

За плохую охрану этого моста немецким командованием было расстреляно 11 полицейских и 28 австрийских солдат.

Два моста уничтожены на тракте Духовщино-Смоленск в районе д. Зуево и Топорово (мост у Топорово длиной в 100 метров).

После уничтожения этих мостов противник совершенно прекратил всякое движение по этому тракту.

17. Захвачено трофеев: 4 пулемета, 200 гранат, 20 винтовок, 18 пистолетов, 10000 шт. патронов, около одной тонны толу и много других боеприпасов.

За указанный период времени отряд имеет потери убитыми — 9 чел.

Из числа бойцов отряда, оказавшихся трусами и предателями, расстреляно командованием отряда — 3 человека.

В апреле м-це командованием Калининского фронта за образцовую и самоотверженную работу в тылу немцев награждены правительственными наградами 11 человек командиров и бойцов отряда.

В настоящее время отряд представляет из себя хорошо организованную, высокодисциплинированную и опытную боевую единицу, вполне способную на выполнение любых боевых заданий.

Отряд в данное время находится на отдыхе вблизи города Ярославля. По указанию 4-го Управления НКВД СССР отряд разбивается на мелкие диверсионно-разведывательные группы в 5-8 человек, которые будут снабжены рациями и вновь брошены в тыл противника.

Начальник Управления НКВД ЯРОБЛАСТИ майор государственной безопасности Губин.

«___» августа 1942 г., г. Ярославль»¹⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: Изд. АПН, 1970. С. 685.

² Ваупшасов С.А. На тревожных перекрестках. М.: Политиздат, 1988. С. 219.

³ Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Документы и материалы. М., 1975. С. 517.

⁴ Архив УФСБ РФ по Ярославской обл. Ф. 21. Оп. 3. Д. 23. Л. 24-25.

⁵ Там же. Ф. 21. Оп. 3. Д. 24. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 3.

⁷ Там же. Ф. 21. Оп. 2. Д. 23. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 4.

⁹ Там же. Л. 27.

¹⁰ Там же. Л. 18.

¹¹ ГАЯО. Ф. Р-903. Оп. 1. Д. 77. Л. 17, 18.

¹² Там же. Л. 28.

¹³ Там же. Л. 30.

¹⁴ Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М.: Nota Bene, 1992. С. 324.

¹⁵ Там же. С. 323.

¹⁶ Там же. Ф. 21. Оп. 3. Д. 36. Л. 2.

¹⁷ Там же. Л. 30-32.

¹⁸ Там же. Л. 137-142.

А. В. Бородкин

Персонификация антихриста в русском расколе

Церковный раскол XVII века — яркая страница русской истории. Начавшись как внутриконфессиональный спор, раскол стал смыслом жизни нескольких поколений россиян. «Дыхание» раскола явственно ощущается и в наши дни. Страхи, им порожденные, преследуют русское общество, особенно проявляясь в переломные моменты истории.

В конце каждого столетия резко активизируются апокалиптические идеи. Конец XX века — это и переход в другое тысячелетие, всегда воспринимающийся как преддверие окончания земной истории. На этом фоне возникает большое число религиозных сект, манипулирующих общественным сознанием. Эсхатологические страхи преследуют современное человечество. В этой связи особую значимость приобретают исследования апо-

калитической проблематики для современной России.

Ожидание «конца света» — элемент средневековой ментальности. Мир, как и все реально существующее, был некогда сотворен, иначе говоря, «родился», а, следовательно, логикой своего развития обречен на конечность. С принятием христианства споры о первоэлементе, из которого состоит мир, а, следовательно, и о причине его гибели, в случае нарушения гармонии, столь популярные у приверженцев той или иной философской античной традиции, стали вытесняться из сознания общества прагматическим желанием узнать окончательную дату апокалипсиса². Со временем выяснение точных сроков существования этого мира стало одним из главных «искушений» для ученых мужей и отцов церкви. До появления «апокалипсиса» апостола Иоанна Богослова вопрос о пришествии в мир антихриста не являлся животрепещущим в христианских общинах, скорее, основное внимание уделялось ожиданию 1000-ти летнего царствования Христа³. Подобное положение дел просуществовало недолго и объяснялось, прежде всего, тем, что «антихристами» был назван ряд римских императоров, прославившихся ужесточением гонений на христиан⁴. Это было время появления «легенды об антихристе», время обретения антихристом «атрибута» реального существа. Под «атрибутом» следует понимать означенные «признаки», на неперемное существование которых обращает внимание Библия. Массовые уничтожения христиан сделали реальностью многие строфы предсказаний. Однако главным результатом этого периода развития «легенды об антихристе» явилось стойкое отождествление врага рода человеческого и верховной власти. Сеньориальные права «князя тьмы» над рядом князей земных в обществе не оспаривались. Подобного рода осмысление места нахождения антихриста объясняет, отчасти, относительную легкость антимонархического бунта эпохи позднего средневековья в среде экзальтированных крестьян⁵. Однако если «атрибутом» антихриста в обществе был понятен, то «облик» его еще не оформился в сознании людей: традиционный, современный облик антихрист обретет позднее.

Церковный раскол, положивший конец скорее мистическому, нежели реально существовавшему единству восточной и западной христианских церквей, не случайно совпадает с резким возрастанием интереса к исследованию этой проблемы⁶. Главным «приобретением» этого периода истории «легенды» является отождествление в сознании людей двух понятий всемирной катастрофы: «конец света» и «пришествие антихриста»⁷. Воспринимаемые ранее разрывно эти понятия сливаются в единую причинно-следственную цепь. При этом «конец света» начинает восприниматься как неизбежность, а «пришествие» как воплощение смерти и, в конечном счете, как следствие уже упомянутого «конца света». «Пришествие», таким образом, и становится главным человеческим страхом, включая в себя страх «конца света» как логически следующую за «пришествием», а, следовательно, второстепенный. После «отождествления страхов» антихрист, ставший главным объектом внимания, получает «облик». Описание врага рода человеческого создается на основе библейских текстов и живой фантазии народных масс. Особую роль в этом процессе играют вернувшиеся из крестовых походов рыцари и отцы церкви, занявшиеся религиозным воспитанием паствы методом запугивания⁸. Это следующий этап в развитии «легенды об антихристе».

Локальные истерические психозы — результат постоянно нагнетаемого ожидания апокалипсиса. Они особенно усиливаются в эпоху феодальных войн. Периодически появляющиеся сообщения о рождении необычайных младенцев с «рожками», при рождении которых «ходили горы и волновались моря», держали в напряжении весь христианский мир. Появление врага рода человеческого ожидали с востока и юга, следуя многочисленным предсказаниям⁹. Многие уверяли, что видели его выходящим из морских глубин и из тверди земной. Находились и такие, кто утверждал, что антихристу надлежит родиться в соседней деревушке либо в соседнем государстве¹⁰. В конце концов, опасность стали ждать отовсюду. Христианские общины превратились в крепости, изолированные от мира страхом, что в

условиях малонаселенной Европы было совсем несложно¹¹. Таким образом, реакция человечества на страх «пришествия антихриста» практически тождественна как на западе, так и на востоке. Спасение Европы от превращения ее в страну «старообрядческих» общин, ожидающих «конец света» — заслуга усиливающейся королевской власти, быстро развивающейся торговли и, как ни странно, больших расстояний. Пока известие о грядущей катастрофе доходило до людей, срок, на который она была назначена, проходил¹².

* * *

В русскую ментальность страх пришествия антихриста был, скорее всего, привнесен извне. Причины подобного положения вещей можно найти, пожалуй, в «военной истории» русского народа. Русские привыкли считать себя чем-то вроде форпоста истинного христианства и не воспринимали выпадающие на их долю бедствия как преддверие «конца света», скорее как «реакцию» небес на их конкретные проступки¹³. Со временем ситуация изменилась и страх антихриста стал постоянным спутником России. Русский страх пришествия антихриста не является ни типично восточным, византийским (мистическим), ни типично западным, римским (прагматическим), он предстал своеобразным оригинальным симбиозом этих доктрин. Восточное восприятие антихриста проникает на Русь из Византии, мирно оканчивающей свое земное существование в окружении османских владений¹⁴. Главными распространителями этого «византийского страха» на Руси являлись, по-видимому, христиане, жившие в западных землях «православной ойкумены» (сербы, украинцы, белорусы и т. д.)¹⁵. Параллельно, а возможно и ранее, на Русь стали проникать католические доктрины о «пришествиях», а вскоре через Швецию, Польшу и земли Ордена идеи Реформации об антихристе. Итак, если ранее русские воспринимали идею «конца света» как часть христианской доктрины, как один из догматов своей религии, неминуемый, хотя и не слишком приятный, то приблизительно с XVI века Россия, как и другие государства Европы, «увлеклась» высчитыванием дат грядущей ка-

тастрофы¹⁶. России, таким образом, суждено было вписать новую страницу в созидающуюся легенду об антихристе.

Главное отличие русского варианта легенды от западного, рационального в том, что на западе при усилении власти монархов и усложнении государственной идеи апокалиптические страхи пропорционально уменьшаются, а в России, где государственная идея была глубоко религиозной, с усилением власти монарха апокалиптические страхи резко усилились. Стремление верховной власти к созданию «вселенской православной монархии» принципиально изменило некогда спокойное, а подчас и просто умиротворенное самосознание русского народа. Чем больше «брали на себя» православные цари, чем выше поднималась звезда «третьего Рима», тем более нарастало ментальное напряжение народа, порожденное идеей его избранности, и тем чаще случались психозы ожидания «конца света», который должен был наступить вслед этому небывалому расцвету православия¹⁷. «Русский» антихрист явился таинственно. Его приход был подготовлен соответствующими догматическими и псевдонаучными сочинениями.

Смутило русских то, что в роли антихриста выступил их национальный первосвященник. Многие же, напротив, увидели в таком явлении тайный смысл и вполне объяснимое явление. Так или иначе, но подобная персонификация антихриста продержалась недолго и была распространена в многочисленных «не поповских» течениях русского раскола. Никон, реформатор русской церкви, мало кем серьезно рассматривался в качестве врага рода человеческого, скорее ему подходила роль предателя, отступника. Принимая во внимание накал борьбы, логично было бы принять подобную персонификацию, но в таком случае тень падала даже не на Никона, а на членов кружка «боголюбцев», прежде всего Аввакума и Неронова, долгое время считавшихся союзниками Никона в борьбе с пороками церкви. Аввакум не мог быть «подельником сатаны», и поэтому Никон не мог быть назван антихристом. Этим и объясняется целый ряд «серийных» видений, ниспосланных множеству праведников из числа сторонников «древнего благочес-

тия» о черных ангелах вокруг Никона и о том, что Никон по ночам беседует с дьяволом о том, как погубить русскую церковь¹⁸. Главное же, пожалуй, в том, что на этом этапе персонификация не могла состояться, так как затрагивала интересы третьих лиц, поэтому накануне 1666 года в России был только предтеча антихриста, но персонификации антихриста не было.

С приближением запланированного на 1666 год «конца света» сложилась полная иллюзия тождества библейских пророчеств и повседневных реалий. Апокалипсис из предсказания «превратился» в реальность. Европа к тому времени уже обладала определенным иммунитетом от подобных ожиданий, но Россия такого болезненного опыта еще не имела. Вспыхнула эпидемия самоубийственных смертей, у истоков которой стояли представители наиболее радикального крыла «капитоновщины»¹⁹, получившие большинство пустыней своей секты после ее распада на отдельные толки²⁰. «Капитоновская» персонификация антихриста была наиболее близка к «раннеевропейской». «Капитоны» трактовали пришествие врага рода человеческого как неоспоримый факт, как данность вне осмысления и ожидали его материализацию в облике и с атрибутом «с минуты на минуту»²¹. Подобная позиция исключала возможность исследования антихриста и подразумевала немедленное ответное действие. Вынужденное самоубийство исключало возможность стать слугой антихриста, потерять «царствие небесное» и, в конечном счете, вообще дальше участвовать в «конце света». Ситуативная персонификация «капитонов», где антихрист получал облик любой опасности: стрельцов или приходского попа, вышедшего на увещевание своей несчастной наставы, правительственного чиновника или проезжающего мимо деревни иностранца — очень дорого обошлась русскому народу. Эпидемия самоубийственных смертей четко разделила историю России на два периода: до и после «гарей», положив финал единству, пусть даже более декларативному, нежели реальному, в русском народе.

На смену ранней (спонтанной) персонификации «капитонов» (по мере углубления

раскола) приходит более сложная персонификация отождествления, где антихрист получает облик конкретного человека. Наиболее известно отождествление с антихристом личности императора Петра I. «Еже есть последний антихрист от Римского папы благословение примет кое изыдется на Петре Великом»²². Однако личность Петра далеко не единственная персонификация антихриста. Отождествляли его и с царем Иоанном Васильевичем, и с царем Алексеем Михайловичем, и с «Григорием расстригой», и с «Федором Алексеевичем» и с «Иваном Алексеевичем», и с целым рядом поздних российских императоров в зависимости от отношения последних к подвижникам древнего благочестия²³. В дальнейшем линия на отождествление антихриста и власти была оригинально развита в доктрине секты «странников», обезличивших врага рода человеческого и наделивших соответствующими атрибутами государство²⁴. Попытка уйти от облика прослеживается в учении так называемых «чувственников», решивших покончить с целым рядом противоречий, возникающих при объектной персонификации. Чтобы избежать неразберихи и оградить себя от насмешек сторонников патриаршей церкви, чувственники проповедают, что антихрист действительно пришел в мир, но не в материальной, а в чувственной форме²⁵. Познать его существование нельзя, а почувствовать можно. Это уже своеобразная старообрядческая философия.

Другое крыло старообрядцев более заинтересовало толкование о «трех приходах антихриста», являющееся не более чем соответствующей переработкой «Повести о белом клобуке» и «Филофеевых посланий». «Было на земле три Рима, первый пал из-за предательства христианства Римским папой, он и есть первый антихрист, второй Рим пал из-за принятия унии с католической церковью, третий Рим пал из-за отступления Никона от православия, и вот-вот будет третий антихрист, и следом за ним «конец света»²⁶. Из последователей подобной концепции выделились так называемые «компромиссные» доктрины, сторонники которых жаждали найти достойный договор с властью. Апологеты «компромиссных доктрин» согласны были принять «молитву за

царя», а самые решительные из них даже примириться с патриаршей церковью, при условии сохранения за ними права совершать «старый чин богослужения», например, единоверцы и часть общин «Бело Криницкой иерархии»²⁷. Для духовного примирения несколько компромиссных учений отказались даже от третьего антихриста, то есть от падения третьего Рима, немногочисленная группа согласна была отказаться и от «второго», в трактовке о том, что современное греческое православие тоже душеспасительно.

Со временем, по мере развития раскола, появлялись и другие персонификации антихриста, но практически все они являлись «каноническим» продолжением доктрин и персонификаций, сложившихся в XVII-XVIII вв. Исключение составляет, пожалуй, только забавная персонификация императора Наполеона (XIX в.), которого часть русских сектантов назвала воплощением антихриста, а другая — воплощением Христа, пришедшего «вывести» верных из «египетского плена» самодержавия²⁸.

Это первая известная «дуалистическая» (или «политическая») персонификация. Русские императоры от Павла I до Николая II не являлись объектами персонификации. Более того, ряд из них был назван тайными старообрядцами и мучениками, что свидетельствует о некотором охлаждении интереса к апокалипсическим доктринам. XX век стал временем возрождения давно забытых страхов. «Политическая» персонификация была продолжена отождествлением с антихристом К. Маркса²⁹. К концу XX века появились персонификации, связавшие антихриста с личностями В. Ульянова, И. Сталина и М. Горбачева, однако большого распространения в старообрядчестве из-за политической ангажированности эти персонификации не получили. С эпохи «сплошной коллективизации» и до настоящего времени наиболее распространенной является «персонификация чувственного ожидания». Это модификация доктрины «чувственников». Согласно ей антихрист уже давно в миру, однако о его присутствии возможно узнать только по «признакам» приближающегося «конца света» (небо в железных проводах, железные маши-

ны, стальные птицы и др. символы, имеющие у крестьян эсхатологическое отождествление)³⁰. Таким образом, в конце XX века не было создано оригинальных типов персонификаций, что говорит о наступлении принципиального нового этапа в развитии «легенды об антихристе».

* * *

Итак, «легенда о пришествии антихриста» (деструктора) возникает в эпоху так называемого «апостольского христианства». Ее догматическая разработка начинается с выхода в свет «Апокалипсиса» Иоанна Богослова. Впоследствии основная смысловая конструкция «легенды» претерпевает ряд эволюций (вводится градация страхов, иерархия событий, «облик» и «атрибут» главного действующего персонажа, возникают первые персонификации). «Легенда» состоит из нескольких составных частей, каждая из которых своеобразный этап ее развития. Главные этапы совершенствования «легенды» совпадают с переломными моментами в развитии христианства, духовными и экономическими кризисами (раскол единой христианской церкви, поражение крестоносного воинства на Востоке и феодальные войны в Европе т. д.). Приоритет в разработке «легенды» принадлежит католическим богословам Западной Европы.

В Россию «легенда об антихристе» попадает из Византии. Впоследствии она была оригинальным образом интерпретирована с привлечением не только православных, но и католических и протестантских доктрин. Причиной возникновения интереса к «легенде» стали укрепляющиеся торговые и культурные связи Московского царства с Европой и Православным Востоком. До XVII века русская эсхатология не привнесла в разработку проблемы ничего нового. Собственно русская версия «легенды» возникает в результате книжно-догматического спора между лагерями русского раскола. Специфической чертой русской версии «легенды» является ее политизация, сказавшаяся прежде всего на многочисленных персонификациях вплоть до конца XX века.

Главным результатом всех русских страхов, персонификаций и попыток высчитать «ко-

нец света» явился необходимым и доставшийся дорогой ценой опыт прагматического отношения большинства россиян к периодически появляющимся предсказаниям о «конце света» и «пришествии антихриста».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Эсхатология — здесь учение о «конце света».
- ² Кирский Феодорит. Церковная история. М., 1993.
- ³ Библия. Новый завет. Послания апостола Павла., Кончина мира. М., 1912.
- ⁴ Клавдий, Нерон, Домицан, Декий, Валериан, Галерий и Максимиан.
- ⁵ Более подробно о массовых движениях в Европе см.: Рюде Д. Народные низы в истории 1730-1848 гг. М., 1984.
- ⁶ Карташев А. В. Вселенские соборы. М., 1987.
- ⁷ Более подробно см.: Кончина мира. М., 1912.
- ⁸ Там же. С. 15-16.
- ⁹ Там же. С. 17.
- ¹⁰ Там же. С. 17.
- ¹¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
- ¹² Раг-Вег И. Из истории человеческих заблуждений. Б. М., Б. Г. С. 170-174.
- ¹³ Зеньковский С. Русское старообрядчество. Духовные движения XVII века. М., 1995. С. 25-50; Gill T. The Council of Florence. Cambridge, 1959.
- ¹⁴ Более подробно о Восточных доктринах см.: Хосроев А. Л. Александрийское христианство. М., 1991., Флоровский Г. В. Восточные отцы IV века. М., 1992., Он же. Восточные отцы V-VIII вв. М., 1992.
- ¹⁵ Бородкин А. В. Католические, протестантские и православные истоки русской эсхатологии // Россия, Восток и Запад: традиции, взаимодействие, новации. Владимир, 1997. С. 69-70.
- ¹⁶ Лилов А. О так называемой кириловой книге. Казань, 1858.
- ¹⁷ Зеньковский С. Указ. соч. С. 38-40.
- ¹⁸ Там же. С. 264-271.

- ¹⁹ «Капитоновщина»-религиозная секта, ставшая самостоятельным течением русского раскола. Проповедовала крайний аскетизм, разрешала самоубийства за веру.
- ²⁰ Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в 17 веке. М., 1986., Бородкин А. В. Религиозное сектантство на Верхней Волге во второй половине XVII века // Ярославский педагогический вестник. 1997. № 4. С. 30-35.
- ²¹ Государственный архив Костромской области. Фонд 558. Опись 2. Дело № 748. Лист 231-231 оборот. (Здесь и далее в цитатах полностью сохранена орфография и пунктуация источника.— А. Б.). Государственный архив Ярославской области. Коллекция рукописей. Д. № 478. Л. 7-9 оборот.
- ²² Костромская Научная библиотека им. Н. Крупской. Редкий фонд. Опись 1. Д. № ЦК 358615.2. Л. 90. ГАЯО. КР. Д. № 1364. Л. 11-15. ГАКО. Ф. 558. О. 2. Д. № 297. Л. 23.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Мальцев А. И. Странники — безденежники в первой половине 19 века / Христианство и церковь в России феодального периода. Новосибирск, 1989.
- ²⁵ Ростовский Д. Розыск о расколничьей Брынской вере. М., 1762. Л. 34-оборот.
- ²⁶ Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе 17 века. Спб., 1898. С. 10.
- ²⁷ Зеньковский С. Ук. соч. С. 451.
- ²⁸ Мельников П. И. Письма по расколу. Спб., 1862. С. 72.
- ²⁹ Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России. М., 1965.
- ³⁰ Никитина С. Е. Роль старообрядцев в нестарообрядческих селениях Севера / Старообрядческая культура Русского Севера. М., 1998. С.62-63., Фишман О.М. Мотивы и сюжеты современных эсхатологических легенд и преданий у карел / Старообрядческая культура Русского Севера. М., 1998. С. 72-73. Старообрядчество. Исторический словарь. М., 1998.